

Е. М. Усланова
Кемерово, Россия

ФИТОМОРФНАЯ МЕТАФОРИКА В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале «Сокровища духовного,
от мира собираемого» Тихона Задонского)

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются особенности функционирования фитоморфных метафор в религиозном дискурсе. В качестве примера описаны метафоры в наследии Тихона Задонского. Фитоморфные метафоры выступают одним из важных способов представления различных аспектов религиозной жизни, акцентируют внимание на причинно-следственной взаимосвязи духовных процессов в религиозной жизни человека, призваны отразить идею естественности и непрерывности развития жизни, показать тесную взаимосвязь между человеком и природой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика; метафорическое моделирование; религиозный дискурс; фитоморфная метафора; фрейм; слот.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: магистрант второго курса Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет.

Адрес: 650000, Кемерово, ул. Красная, д. 6

E-mail: elenka070892@mail.ru

E. M. Uslanova
Kemerovo, Russia

PHYTOMORPHIC METAPHOR THE RELIGIOUS DISCOURSE
(in the article "Spiritual Treasures from the world gather"
Tihon Zadonskij)

ABSTRACT. This article deals with the features of the functioning of phytomorphic metaphors in religious discourse. As an example, metaphors are described in the legacy of Tikhon Zadonsky. Phytomorphic metaphors are one of the important ways to represent various aspects of religious life, emphasize the causal relationship of spiritual processes in the religious life of man, are designed to reflect the idea of naturalness and the continuity of life development, to show the close relationship between man and nature.

KEY WORDS: *cognitive linguistics; metaphoric modeling; religious discourse; phytomorphic metaphor; frame; slot.*

ABOUT THE AUTHOR: Uslanova Elena Mikhajlovna, master's student 2 courses the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications Kemerovo State University.

Представление человека об окружающем его мире формируется посредством усвоения опыта предшествующих поколений, зафиксированного в языке. В связи с этим невозможно не обратить внимания на вопрос о функционировании метафоры и способах ее репрезентации в конкретном языковом сообществе. В настоящее время особое внимание уделяется описанию метафорических моделей с учетом специфики их функционирования в различных типах дискурса. Специфика национальной метафорической картины мира особенно ярко проявляется на материале текстов, относящихся к религиозному типу институционального дискурса. Именно религиозный дискурс оказал огромное влияние на формирование менталитета русской нации, поскольку является древнейшим типом институционального общения [Кондратьева 2012: 191].

Задача данной статьи – описать специфику фитоморфной метафоры в религиозном наследии Тихона Задонского, крупнейшего православного религиозного просветителя XVIII века, автора сборника «Сокровище духовное, от мира собираемое».

Одной из традиционных понятийных сфер для религиозной картины мира выступает фитоморфная метафора. По мнению А. П. Чудинова, в основе фитоморфных образов «лежат базовые метафоры, связанные с архетипическим восприятием мира, в котором все имеет корни и плоды, происходит из каких-то семян и зерен» [Чудинов 2001: 149].

Включение знаний о растительном мире в систему характеристики человека носит универсальный характер и по сути является закономерным этапом в развитии человеческого знания о самом себе, что тесно связано с поиском и расширением знаний о человеке, в сравнении с миром природы. Следовательно, растительная лексика способна охарактеризовать различные сферы человеческого бытия: внешний и внутренний мир человека, этапы жизненного цикла, а также систему взаимоотношений человека с Богом. Причины этого явления восходят к

определенному периоду в древности, когда сознание человека было предельно мифологизированным. Человек мыслил себя в неразрывной связи с миром природы, это во многом определяло восприятие и познание мира, а также способ мышления, который в настоящее время понимается исследователями как слитый, нерасчлененный – *синкретичный*. Многие события в жизни человека осмысливались через призму жизни растительного мира, и эта взаимосвязь неизменно отражалась в языке народа.

Древнерусская культура «также активно использовала метафорический потенциал растительной лексики для концептуализации различных сфер действительности» [Балашова 1998, Кондратьева 2005, Крopotухина 2011].

В процессе исследования было выявлено, что в авторской картине мира Тихона Задонского фитоморфная метафорическая модель представлена следующими фреймами: «Состав царства растений», «Жизненный цикл растений», «Места произрастания растений», «Части растения», «Выращивание растений».

1. Фрейм «Состав царства растений». Как правило, основным источником метафорической экспансии служат обобщенные наименования растений: *растение, трава, цветок, куст, дерево*, значительно реже встречаются наименования их конкретных разновидностей. Основанием для метафорического переноса служат типичные свойства растений.

На базе рассмотренного материала удалось установить, что для авторского сознания Тихона Задонского основным источником метафоризации религиозной жизни служит **концепт «Дерево»**. Связано это, прежде всего, с особым статусом «дерева», по сравнению с другими концептами данной сферы-источника, как для мифологии, так и для религии. Достаточно упомянуть об образе «*мирового древа*», являющегося мифологическим архетипом и объединяющим все сферы мироздания. В славянской мифологии «*мировое древо*» или «*древо жизни*» представляет собой мировую ось и выступает символом мироздания в целом.

В библейской традиции тоже есть упоминание о символических деревьях: «древо жизни» и «древо познания добра и зла», произрастающие в Эдемском саду. Деревья в этом саду несли в себе потенциал как благословения (бессмертия), так и проклятия (плод, ведущий к смерти) [Словарь библейских образов 2005: 264]. Следовательно, можно судить о двойственности символа древа в Библии.

Образ дерева используется Тихоном Задонским для осмысления фигуры человека в целом и христианина в частности. Как правило, автор осуществляет прямое сравнение человека с деревом на основании сходства основных жизненных этапов: рождение, рост, созревание, плодоношение и увядание. При этом основным приемом сравнения является параллелизм, жизнь человека уподобляется жизни растения, и в частности дерева: *Поэтому он [человек] уподобляется дереву, посаженному при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не отпадет; и во всем, что он ни делает, преуспеет.* Для осмысления фигуры человека автор использует образ дерева, при этом сравнение, как правило, основано на таких свойствах, как устойчивость, крепость, способность сопротивляться природным катаклизмам.

С целью создания образа честного, благородного человека, а также для акцентирования внимания на фигуре пастыря Тихон Задонский в качестве метафоры использует образ «высокого дерева»: *Будь [христианин] как дерево высокое, которое корень свой глубоко в землю пускает, и тем держится и не падает от ветра и бури.*

Для автора актуально сравнение на основании единичности – множественности (дерево – лес), а также положительных – отрицательных качеств человеческой природы (высокий – низкий). Здесь же нужно отметить слияние двух типов метафор: фитоморфной и пространственной. Как было отмечено основателями концепции когнитивной метафоры Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, освоение мира человеком происходило посредством пространственных метафор, поскольку именно данный тип организовывал ориентацию в пространстве [Лакофф 1990: 25]. Отсюда и возможность осмысления нравственных категорий через сферы «высокого» и «низкого».

В рассмотренных контекстах пространственная метафора является первичной, с ее помощью происходит понимание нравственных поступков человека. Фитоморфная же метафора необходима автору для создания яркого, наглядного образа, который будет понятен прихожанам.

Совершенно очевидно, что пастырь, или достойный христианин, уподобляется «высокому дереву», здесь на первый план выходят такие характеристики, как избранность, укорененность в религии, способность противостоять соблазнам и искушениям. Напротив, подлые люди уподобляются «низкому лесу», по прин-

ципу многочисленности, неустойчивости в религии, гибкости (= изменчивости): **Как дерево высокое посреди низкого леса, так человек, в чести пребывающий, посреди подлых людей.** Тихон Задонский осознает, что любой человек может поддаться греху, однако масштаб последствий зависит от личности: **Когда высокое древо, стоящее посреди низкого леса, падает, то далеко слышно его падение и много низкого леса, близ себя стоящего, сокрушит.** Так и когда в великий грех впадает пастырь или иной какой властелин, далеко о падении его прослышат, и многих соблазнят; **Далеко будет слышно падение их [великих], как высоких упавших деревьев.**

В авторской картине мира Тихона Задонского благочестивый, духовно мыслящий христианин сравнивается с «добрым деревом»: **Что доброе дерево, то и христианин добрый, духовно мыслящий; Доброе дерево познается по добрым плодам его. Так и добрый христианин познается по добрым делам; Доброе дерево всем без разбора, домашним и чужим, плоды свои дарит. Так и добрый христианин всем, друзьям и врагам, знакомым и незнакомым, добро творит.**

Концепт «дерево» в авторской картине мира Тихона Задонского используется при осмыслении образа «сердца», который в определенных ситуациях тождественен «душе». При этом сердце человека может быть сродни «прямому дереву», а может уподобляться «кривому дереву», подточенному изнутри червями: **Что прямое и кривое дерево, то правое и неправое сердце; Как червь внутри дерева, это зло внутри сердце твоё и душу твою будет снестать и мучить.**

2. Фрейм «Жизненный цикл растений». Зачастую фрейм «Жизненный цикл растения» метафорически представляет процесс развития субъекта или явления. Как правило, для реализации данной цели используется лексика, принятая для обозначения основных этапов жизни растения: *укореняться, прорасти, давать ростки, расти, цвести, созреть и приносить плоды.*

2.1. Слот «Завязывание и прорастание. Рост». Процесс зарождения, появления и роста регулярно уподобляется процессу укоренения или прорастания семени. В авторском сознании Тихона Задонского метафорически переосмысливаются следующие лексемы: *укореняться, углубляться, приниматься* (в значении укореняться), *вкорениться, взрастать, вырастать* и пр.

В своей основе авторской переоценке подвергается процесс духовного просвещения. Так «слово Божие», которое несет

в себе значение истины, духовного откровения, регулярно уподобляется семени, упавшему на сердце человека. Процесс познания божественного откровения может быть представлен в виде прорастания и укоренения этого семени. Однако данный процесс чрезвычайно сложен, поэтому человек должен приложить максимум усилий, чтобы знание прижилось в его сердце, а следовательно, и душе. Показательно, что процесс познания духовных истин происходит посредством *сердца*, а не *разума*. Это, в свою очередь, отражает недопустимость рационального осмысления «слова Божия», которое человек может только прочувствовать: *Слово Божие, упавшее на сердцах человеческих, но не углубленное и не укоренившееся, хотя и с радостью принимается, однако от нашего искушения, печали и гонения, лишается сладкого своего плода, и так бесплодно бывает; Слово Божие, услышанное или прочтенное, нужно углубить и укоренить в глубинах сердца, и в нем день и ночь поучаться.*

Отметим, что процесс зарождения в авторской картине мира имеет не только положительный вектор, поскольку прорасти и укорениться в человеческом сердце могут «греховные страсти», оказывающие негативное воздействие на человеческую душу: *Рождается всякая злая страсть, пока еще не вкоренилась в сердце и не застарела, без труда от человека изымается; Застарелая страсть, в сердце человеческом глубоко вкоренившаяся, с великим неудобством и трудом исторгается.*

Как и процесс познания, процесс избавления от страсти требует от человека волевых усилий. В рассмотренных контекстах *страсть* сравнивается с молодым или застарелым ростком, как следствие, процесс избавление от страсти также представлен посредством фитоморфных образов: *Исторгай страсти и похоти из сердца твоего, пока они еще молоды и не возросли, — да не умертвят, вырастая, душу твою; Застарелая страсть, в сердце человеческом глубоко вкоренившаяся, с великим неудобством и трудом исторгается.*

2.2. Слот «Плодоношение». Метафорическое значение в пределах данного слота развивают лексемы *плодоносить* и *плод*. Метафоры плодоношения являются наиболее частотными в религиозном дискурсе, и, как правило, отражают результат духовной работы человека: *Так и слово Божие, когда слышат его «добрые сердца», плод свой получает, и от него при-*

носят плод «одни во сто крат, другие в шестьдесят, иные же в тридцать; Потому желающим принести плод слова Божиего нужно терпение; Поэтому желающему и старающемуся принести плод слова Божиего, надо усердно молиться, чтобы Сам Господь плод слова Своего в сердцах наших творил и совершал.

2.3. Слот «Увядание». Зачастую процесс увядания растения выступает метафорой духовной смерти. Так или иначе, слот «увядание», в контексте религиозного дискурса несет в себе негативную нагрузку, поскольку передает идею отступления христианина от церковных догматов или же от веры в целом. Средством метафорической репрезентации в рассмотренных контекстах выступают лексемы с процессуальным значением **иссыхать, погибать** и пр.

Человек, оторванный от Христа и христианского вероучения, обречен на духовную гибель: *Христианин, отторженный от Христа, всю духовную свою живность губит и духовно иссыхает; Христианин, отторгнувшийся от Христа и иссохший, вечному предаётся огню.*

Как уже было отмечено ранее, при помощи фитоморфных метафор переосмыслению подвергается процесс принятия или непринятия человеком «слова Божия». Таким образом, процесс познания напрямую соотносится с процессом роста и развития растения. Увядание и гибель растения метафорически отражает, что «слово Божие» не было принято человеком: *Так и слово Божие, проповеданное сердцам человеческим, по которым, как по пути, различные мысли проходят, погибает и бесплодно бывает, ибо «духи лукавые», как птицы, похищают его, «чтобы люди, уверовав, не спаслись; Если не чувствуешь, то это знак того, что семя слова Божиего в тебе погибает.*

3. Фрейм «Части растения». В пределах религиозного дискурса фрейм «части растения» является достаточно частотным. Исследователи также отмечают структурированность данного фрейма в пределах фитоморфной метафорической модели. Традиционно в пределах фрейма «Части растения» функционируют такие концепты, как «корень», «стебель», «ветка», «лист», «цветок», «плод» и пр. Однако в авторской картине мира Тихона Задонского подобная структурированность отсутствует. Данный фрейм представлен двумя слотами: «ствол и его части», а также «плод и семя».

3.1. Слот «Ствол и его части». Источником метафорической экспансии в пределах слота, как правило, выступают концепты «ствол», «стебель», «ветка», «лист». Однако в рассмотренном материале отражены концепты **«лоза»** и **«розги»**, выступающие как единое целое и функционирующие в пределах одного контекста.

В толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля приведено следующее толкование данных лексем: **Лоза – ствол** кустового деревянистого растения, особенно винограда. **Розга – ветвь**, ветка древесная, хворостинка, прут [Толковый словарь В. И. Даля, электронный ресурс]. Исходя из вышесказанного, образ «лоза и розги» в смысловом отношении является тождественным образу «ствола и ветвей», однако различия в стилистическом отношении более очевидны.

Бог, по мысли Тихона Задонского, подобен лозе, христиане – розгам. Отсюда очевидна взаимосвязь двух элементов, как ствол питает ветви, так и Бог питает верой христиан: *Он (Бог) – Лоза, они (христиане) же – розги; Но Христос Господь просвещает разум наш и подает нам силу и крепость, чтобы желать и делать, как лоза сок свой сообщает розгам; Без Христа быть добродетельными и добрые дела творить не можем, ибо розги приносить плоды без лозы не могут.*

Принципиально важной для автора становится возможность показать, что именно Бог является «истиной лозой»: *Обратиться к Господу и покаянием и слезами омыть себя, и так ко Христу, Лозе истинной, прилепиться.* Следовательно, контекст имплицитно задает противопоставление Бога и Дьявола как истиной и ложной лозы.

Показательно и то, что беззаконные христиане уподобляются иссохшим розгам, они оторваны от лозы истиной веры и обречены на духовную смерть: *Ибо они – как розги иссохшие.*

3.2. Слот «Плод и семя». Образ семени является одним из древнейших символов, встречающийся не только в христианской мифологии, но и в языческой. Однако для нас первостепенную важность имеет непосредственно христианская картина мира. Здесь «семя» выступает и символом христианской веры в целом, при этом подчеркиваются малый размер зерна, которое впоследствии может принести духовный плод. В известном смысле «семя» противопоставлено «плевелам», если первое Бог заронил в душу человека, то второе – «враг рода человеческого», и только впоследствии по плодам можно определить, что

взросло в человеческой душе. Именно по плодам оценивается качество семени, поэтому образ «плода» и «семени» рассматривается нами в неразрывной связи.

Также христианская мифология рассматривает семя в контексте его ценности, что позиционируется в едином образе «семена слова Божия». Семя слова Божия имеет абсолютную ценность для христиан, которая неоспорима. Однако «семя слова Божия», как и любое другое, нуждается в уходе и подпитке, чтобы оно не погибло, а принесло плоды. Данная символика наиболее разработана в текстах Тихона Задонского, подробно можно проследить на примерах: **Божие слово, как семя, на земле сердце человеческих сеемое, подобный себе плод рождает. Божие слово – семя духовное, доброе, небесное, святое, животворящее. Посеянное на сердце человеческого, рождает человека подобным себе, то есть делает его духовным, добрым, небесным, святым, живым; У христиан от семени слова Божия духовные семена рождаются христиан семена — покаяние, печаль о Боге, воздыхание, слезы, молитва, благодарение, пение, дела милости, терпение и прочее; Иначе семя Божиего слова будет бесплодно.** Показательно, что контексты актуализируют еще один символический пласт образа семени, это так называемые «христианские семена», зачастую они отражают различные добродетели и моральные качества человека.

Как было отмечено ранее, семена символизируют некую первопричину, источник каких-либо процессов и явлений. Иногда выступают как метафора духовного возрождения, роста или самосовершенствования. Процесс прорастания семени, рассматривается как Божье благословение: **Услышанному слову Божию, чтобы не было оно без плода, нужна Божия благодать, согревающая и орошающая; Но что в руки нищих влагается, то не погибнет, а сторичный плод принесет, как семя, павшее на добрую землю, не погибает, а сеявшему плод приносит; Трудись и ты и сей ныне, сей с верой и надеждой. Не бойся: семя не погибнет.**

Символика семени как ученичества также встречается в трудах Тихона Задонского. При этом процесс воспитания уподобляется посеву семени, которое в дальнейшем принесет плоды: **От воспитания, как от семени плоды, все остальное время жизни зависит.**

Если «семя» является причиной каких-либо явлений, то «плод» выступает последствием каких-то действий: **Так и каж-**

дый в мире этом трудится не просто, но прежде взирает на результат, ради которого труд начинает, и на плод, от труда последующий, и так начинает трудиться.

Символика плода также обширна, как и символика семени. Зачастую, «плод» метафорически передает идею духовного роста, созревания, имплицитно данная идея встречается практически во всех контекстах. Наиболее очевидным является деление всех плодов на хорошие и плохие, подобное находим и в Библии, к примеру «запретный плод» или же слова Иисуса в «Нагорной проповеди», которые достаточно часто цитируются многими священнослужителями церкви, Тихон Задонский в этом отношении не исключение: *О горнем помышлять, слово Божие слышать и его плод приносить; Христианин, который не приносит плода доброго, отторгается от Христа; Доброе дерево добрые плоды изнутри рождает. Так и добрый христианин изнутри, от сердца, и неліццемерно добрые дела творит.* Обратим внимание на последний контекст, здесь достойный христианин подобен «доброму дереву», соответственно, «добрые плоды» при помощи параллелизма проецируются на «добрые дела», которые творит человек.

Нельзя обойти стороной метафорические образы *плодородия и бесплодия*. Символика бесплодия в христианской картине мира связана с уклонением христианина в ересь: *Слово Божие равно всем проповедуется, но не во всех сила и плод его бывает в них слово Божие бесплодно бывает.*

Напротив, образ плодородия предполагает правильное поведение со стороны христианина, а именно молитву и покаяние: *Хотя христиане и приносят плод добродетелей, однако приписываются они Христу, Сыну Божию; Прежде всего должно во Христе насадиться и так плоды добрых дел приносить – нужно прежде всего сделаться добрым и тогда добро творить; Так и христиане Небесным Отцом наказываются, чтобы больший и приятнейший плод добродетелей принесли.*

4. Фрейм «Места произрастания растений». В рамках данного фрейма, как правило, метафорически переосмысливаются такие концепты, как «поле», «нива», «лес», «сад», «почва» и пр. Однако рассмотренный материал не позволяет произвести детального структурирования фрейма, поскольку обнаруживает весьма ограниченное употребление метафор данного вида. Так, в структуре фрейма «места произрастания растений» выделено два слота: *«окультуренные места произрастания растений»* и *«заросшее / ухоженное место произрастания растений».*

4.1. Слот «Окультуренные места произрастания растений». В рассмотренных контекстах сердце человека предстает как освоенное место произрастания растений. Основной концепт, реализующий данный слот – «поле». Так, сердце человека уподобляется «земляному полю», на которое упало «семя слова Божия»: *Слово Божие посеянное на сердце человеческом, рождает человека подобным себе, то есть делает его духовным, добрым, небесным, святым, живым; Земляное поле – сердце человеческое – с небесным семенем не может совокупиться и принести плод.*

4.2. Слот «Заросшее / ухоженное место произрастания растений». Поскольку основным местом произрастания «семян слова Божия» выступает сердце человека, подобное полю, соответственно, оно требует определенного ухода. В рассмотренных нами контекстах отсутствует метафора ухоженного места, основу же составляют метафоры неухоженности. Зачастую в качестве сорняков или терний, терзающих человека, выступают «прихоти этого мира», по сути любые временные, суетные переживания: *Слово Божие слышат многие люди, но «печалью века сего и лестью богатства», как тернием, объятые сердца имея, никакого плода не приносят; Так как прихоти этого мира, как терни семя, подавляют слово Божие, в сердце посеянное.*

По мысли Тихона Задонского, каждый человек должен работать над собой, чтобы избавить от сора и бурьяна свое сердце и дать возможность зерну веры взрасти: *Так как прихоти этого мира, как терни семя, подавляют слово Божие, в сердце посеянное, то надо эти вредные тернии из сердца искоренить.*

5. Фрейм «Выращивание растений». Одним из основных видов деятельности человека с древних времен является земледелие, это «основное традиционное и наиболее ритуализированное занятие славян... Для общеславянской традиции характерно представление о высоком статусе земледельческого труда в сравнении с военными и даже магическими функциями высшей власти – князя» [Петрухин 1999: 312]. В пределах фрейма «Выращивание растений» духовная жизнь человека метафоризируется в знакомых человеку с древнейших времен образах «посева» и «жатвы».

5.1. Слот «Посев». Основным источником метафор посева выступает евангельская притча о сеятеле, где в качестве сеятеля выступает Иисус, семенем является его слово, а почвой – слуша-

тели. В религиозном дискурсе в качестве сеятелей предстают: священнослужители, пастыри, духовные наставники, проповедующие слово Божие. Однако обычные христиане, также, могут выступать в качестве сеятелей, при этом их семенем являются традиционные христианские добродетели: *У христиан есть подходящее время, когда должны сеять свои семена, – это время настоящей жизни; Так и христиане трудятся и сеют с надеждой на духовный плод, милостивое воздаяние от Бога.*

Следует сказать о метафорической взаимосвязи двух процессов – «посева» и «жатвы». По мнению Тихона Задонского, человеческое время на земле и есть время посева – «настоящее время». Именно в это время человек должен посеять как можно больше «семян добродетели». Метафора жатвы, как правило, отражает образ «Суда Христова», то есть времени, когда каждый человек предстанет перед лицом господа: *Разумные и мудрые христиане не пропускают времени настоящей жизни, но трудятся и сеют свои семена, каются, творят дела покаяния, творят дела милости, и прочее. Нынешнее время – это только время посева, а в будущем веке этого не будет; Христиане, которые более духовных семян в настоящей жизни сеют, те в последний день, в день Суда Христова, в который всякого и все дела явятся, более плодов пожнут, а которые скудно сеют, скудно и пожнут.*

Поскольку в авторской картине мира Тихона Задонского присутствует образ благочестивого христианина, который «сеет в свое время», соответственно должен быть образ диаметрально противоположный: *Христиане несмышленные, нерадивые, небрежные, которые ныне духовных семян не сеют, при кончине века и воскресении из мертвых никаких плодов не пожнут, но бесплодными явятся перед Господом.*

Однако в качестве семени в религиозном дискурсе выступают не только «слово Божие» и добрые дела, но и различные грехи и пороки: *Намного больше берегись падение его другим открывать и клеветой соблазн сеять; Чтобы сеялся соблазн, и так бы всякое нестроение и замешательство было бы в обществе христианском.*

5.2. Слот «Сбор урожая и жатва». Закономерным следствием посева «духовных зерен» является сбор урожая или жатва. Как правило, метафоры данного типа отражают результаты духовной работы: *Христиане, видя и собирая плоды своих трудов и семян, возрадуются; Так и христиане пло-*

ды своих трудов и семян пожнут при кончине века и воскресении из мертвых; Христиане, любящие роскошь, и гуляки при кончине века и воскресении из мертвых – тогда будет христианская жатва, – постыдятся и посрамятся, заплачут и зарыдают тогда, когда увидят добрых христиан, поживающих плоды своих семян, себя же увидят бесплодными, в крайней нищете.

Таким образом, проанализировав метафорическую модель с исходной понятийной сферой «царство растений», стало возможным утверждать, что метафоры данной группы выступают одним из важных способов представления различных аспектов религиозной сферы. Данная группа метафор акцентирует внимание на причинно-следственной взаимосвязи духовных процессов в религиозной жизни человека, также растительные образы активно используются с целью отражения основных этапов человеческой жизни.

Подводя итог исследования фитоморфной метафорической модели в религиозном дискурсе, следует подчеркнуть ее ключевые особенности: во-первых, традиционность использования растительной метафоры в рамках религиозного дискурса; во-вторых, детальная структурированность в пределах изучаемой метафорической модели позволяет выделить пять фреймов: «Состав царства растений», «Жизненный цикл растений», «Места произрастания растений», «Части растения», «Выращивание растений»; в-третьих, отсутствие негативной эмоциональной направленности, зачастую растительные образы призваны отразить идею естественности и непрерывности развития жизни, а также показать тесную взаимосвязь между человеком и природой.

ЛИТЕРАТУРА

Балашова Л. В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX вв.). – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. 217с.

Кондратьева О. Н. Метафорическое моделирование в религиозном дискурсе // Научный диалог. – 2012. № 8. С. 191–207.

Кондратьева О. Н. Фитоморфные признаки в структуре концептов внутреннего мира человека (на материале текстов Древней Руси) // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке : материалы научной конференции. Институт языкознания РАН, Российская ассоциация лингвистов-когнитологов / под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. С. 75–83.

Кропотухина П. В. Когнитивное исследование фитоморфной метафоры в современных политических дискурсах России и Великобритании : дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2011. 262 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. 25 с.

Петрухин В. Я. Земледелие // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 312.

Словарь библейских образов / под ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана. – СПб. : Библия для всех, 2005. 1424 с.

Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. Даль // Режим доступа: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=36734> (дата обращения: 14.03.2015).

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001.